

В полумраке ночи черты лица Мо Юньчу казались особенно глубокими, его красота была такой совершенной, что казалась почти нереальной. Несколько секунд Тань Нин смотрел на него как зачарованный, но убедившись, что Мо Юньчу и впрямь рядом, сразу почувствовал себя намного увереннее.

Страх и смятение мигом улетучились, сменившись лишь легкой обидой — словно к несправедливо обиженному ребенку наконец-то пришел старший. Раз Мо Юньчу здесь, значит, всё будет хорошо!

— Почему ты так поздно? — непроизвольно протянул Тань Нин, упрекая и заигрывая одновременно. За недолгое время, проведенное вместе, он успел уловить, какое поведение больше всего нравится Мо Юньчу — цепкая привязанность, как у повилики.

Мо Юньчу обнял продрогшего от страха Тань Нина и ласково погладил по шее.

— Прости, я заставил малыша Нина так долго ждать? — прошептал он.

Тань Нин зажмурился, не решаясь взглянуть Мо Юньчу в глаза — так было проще врать:

— Да, очень долго, так долго, что я не выдержал и вышел встречать тебя у дверей.

— Пока ждал, от тоски съел конфету за конфетой.

Тань Нин отвернулся, прижавшись щекой к груди Мо Юньчу. Длинные ресницы подрагивали.

Он осмелился взглянуть на рассыпанные у порога фантики.

Среди пестрых обрывков валялась старая потрепанная тряпичная кукла с недошитыми ногами. Тань Нин поспешно зажмурился и крепко обнял Мо Юньчу. Со стороны могло показаться, будто он просто разнежился посреди разговора.

Над головой раздался низкий смешок:

— Я хотел сказать, что у малыша Нина от конфет зубы испортятся, но теперь у самого от сладости оскомины.

Мо Юньчу склонился и уткнулся носом Тань Нину в шею, ласково потерся переносицей о нежную кожу.

— Я тоже очень скучал, — мягко произнёс он. — Каждую минуту, каждую секунду вдали от тебя я только о тебе и думал.

В отличие от притворных речей Тань Нина, в словах Мо Юньчу звучала неподдельная искренность, и от жара его чувств у Тань Нина вспыхнули кончики ушей. Ему стало стыдно за собственное лицемерие.

— Так бы и носил малыша Нина с собой в кармане, — с этими словами Мо Юньчу стиснул его в объятиях, сильные руки обвились вокруг тонкой талии, словно желая слить их тела воедино.

Тань Нину казалось, что ещё немного — и его переломит пополам. От боли он невольно сдвинул брови, но постеснялся оттолкнуть Мо Юньчу и лишь закусил губу, терпя его долгие, мучительные объятия вперемешку с пылкими признаниями.

— После съёмок я, пожалуй, уйду из кино и буду вечно рядом с малышом Нином. Как тебе?
— ласково спросил Мо Юньчу.

У... уйти из кино?! Тань Нин в растерянности распахнул глаза. Похоже, он переборщил с притворством. Играть чужими чувствами и без того ужасно, а уж влиять на чью-то карьеру — вообще кара небесная!

— Нет-нет, не надо, — торопливо возразил он. — Мне больше нравится, когда ты на экране.

Ему и впрямь нравился Мо Юньчу на большом экране — как он вдыхал жизнь и душу в своих героев, затмевая всех вокруг, завораживая, лишая Тань Нина воли.

Наступила тишина. Мо Юньчу помолчал.

— Вот как? — тихо переспросил он всё тем же мягким, бархатным голосом.

Сердце Тань Нина внезапно затрепетало как безумное, он вскинул голову, встревоженно вглядываясь в лицо Мо Юньчу.

Тот смотрел в ответ со слабой полуулыбкой на губах. В тёмных, как у феникса, глазах бушевали

непонятные Тань Нину эмоции.

— Что ж, если малышу Нину так нравится моя игра, я готов ради него играть всю жизнь, — медленно проговорил Мо Юньчу.

Тань Нин смотрел на него почти в суеверном страхе. Сам не зная почему, он испугался этих слов. Может, «всю жизнь» прозвучало слишком пугающе, слишком надолго. Но в то же время он понимал, что в их ситуации такой ответ Мо Юньчу — наилучший исход.

Тань Нин увидел своё отражение в черноте зрачков Мо Юньчу. Собственный дрожащий голосок показался ему угодливым и жалким:

— Ты такой хороший. Спасибо тебе.

Пальцы Мо Юньчу ласково щёлкнули его по носу.

— Глупыш, что ты меня благодаришь?

На красивом, по-детски наивном личике Тань Нина появилась несколько растерянная улыбка.

— Странно, эта тряпичная кукла выглядит знакомо. Разве не её ты просил выбросить в автобусе? — Мо Юньчу в недоумении смотрел на куклу у своих ног. — Где ты её откопал?

Тань Нин торопливо солгал:

— Это не та, просто похожа. Мне понравилась прежняя, вот я и сшил новую. Правда, похоже получилось?

Мо Юньчу подобрал истрёпанную куклу. Длинные пальцы сомкнулись на тряпичной шее. Тёмные, как у феникса, глаза несколько мгновений пристально смотрели в стеклянные бусинки.

— Не знал, что у тебя такие таланты.

— Я хочу ещё ножки ей пришить, — осторожно предложил Тань Нин. — Составишь мне компанию?

Мо Юньчу покосился на него.

— Малыш Нин только что обещал меня отблагодарить. Вот я и пришёл за наградой.

Разжав пальцы, Мо Юньчу уронил куклу. Та, кувыркаясь, покатилась вниз по ступенькам.

Тань Нин встревожился. Страшно было хвататься за куклу голыми руками, но не успел

он набраться храбрости её поднять, как почувствовал, что ноги отрываются от земли.

Мо Юньчу подхватил его на руки.

Вскрикнув, Тань Нин попытался вывернуться, забился в его хватке, как непоседливый котёнок, но так и не смог освободиться.

Широким шагом Мо Юньчу понёс его в дом. В неосвещённых комнатах царил кромешная тьма. Гулкое эхо шагов Мо Юньчу звучало твёрдо, размеренно, непререкаемо.

— Не надо, пожалуйста, не надо... — Тань Нин умоляюще зашептал: — Я... я ещё не ужинал...

— Мы можем поесть торта в постели, — мягко предложил Мо Юньчу тоном, которым обычно перешептываются влюбленные, отчего и сам способ поедания торта невольно окрасился интимным подтекстом.

Тань Нин мгновенно вспомнил, каково это — когда Мо Юньчу мажет сливки ему на лицо. Дрожащим голосом он взмолился:

— Что-то у меня пропал аппетит.

Из темноты донесся густой смешок Мо Юньчу. Он уже поднялся на второй этаж и явно направлялся в спальню. Тань Нин поспешно воскликнул:

— Подожди, я ещё не мылся!

— Я помогу малышу Нину вымыться, — прозвучал хрипловатый, холодно-сексуальный голос.

Яркий свет залил ванную. На стеклянной двери отразился Тань Нин, прижатый к груди Мо Юньчу. То ли от пережитых страданий с призрачным младенцем, то ли ещё почему, но в последнее время при виде собственного отражения Тань Нина охватывала беспричинная паника. Ощущение чужого взгляда преследовало его даже после того, как он отворачивался от зеркал и стекол.

Вот и сейчас он вновь почувствовал на себе этот жуткий взгляд — такой пронзительный, какого ещё не бывало. Встретившись глазами со своим отражением, Тань Нин ощутил абсурдную уверенность, что и двойник в стекле пристально смотрит на него в ответ.

Тань Нин зажмурился и уткнулся лицом Мо Юньчу в грудь, тщетно пытаясь укрыться от вездесущих взглядов — и спрятаться от самого себя, раскрасневшегося в объятиях Мо Юньчу.

Зашуршала одежда. Мо Юньчу, опустив голову, раз за разом целовал Тань Нина в макушку. Стыд и страх одновременно терзали его и без того расшатанные нервы. На ресницах Тань Нина выступили слезы. С последней надеждой он поднял голову и умоляюще посмотрел на Мо Юньчу. На прекрасном личике застыло очаровательно-беззащитное выражение.

— Мо Юньчу... Мо Юньчу...

Не дослушав мольбу, Мо Юньчу со сбившимся дыханием опустил его в ванну и повернул кран. То ли из-за отключения воды, то ли по иной причине, но из душа, помедлив, вытекло лишь несколько красных, как кровь, капель.

Зловещие багряные капли упали Тань Нину на белоснежные колени и, извиваясь, потекли по точеным голеним, чтобы засохнуть на изящных щиколотках. Тань Нин в испуге поджал пальцы на ногах, пытаясь отрешиться от липкого ощущения, будто кто-то лизнул его кожу. Обхватив руками колени, он с тревогой посмотрел на Мо Юньчу, сжимавшего душевую лейку.

Лишь теперь Мо Юньчу отвел взгляд от Тань Нина — так, словно перевел глаза с бесценного сокровища на вонючий уличный мусор. В поднятых уголках глаз и бровей отразились высокомерие, отвращение, презрение.

Мо Юньчу открутил лейку, взял из шкафчика плоскогубцы и выудил из трубы клок длинных волос. Красная вода хлынула на белый кафель. Поначалу она была чёрно-красной и отдавала едким зловонием. Тань Нин зажал нос.

Плеск воды заполнил ванную. Под её шум, казалось, копошилось во тьме что-то ещё. Не скрывая раздражения, Мо Юньчу коротко цыкнул, придерживая трубу. Его бездонное терпение утекало вместе с никак не желавшей светлеть грязной водой.

Как ни странно, Тань Нина этот Мо Юньчу пугал даже больше призраков.

— Малыш Нин в последнее время никого в гости не звал? — вдруг спросил Мо Юньчу.

В гости? В этом мире Тань Нин вообще никого толком не знал, какие уж тут гости...

И тут его вдруг осенило: горсть земли с могилы Лу Инсина и слова Лу Цзюньчи!

«В душе из крана текла красная вода, а трубы то и дело забивались длинными чёрными волосами, хотя Инсин носил короткую стрижку...»

Красная вода, чёрные волосы — всё сошлось один в один! Неужели простое совпадение?

— Некоторые сущности, если хозяин позволит им войти, начинают хозяйничать в доме, — мягко пояснил Мо Юньчу, уловив испуг Тань Нина. — Но я, конечно, верю, что у малыша Нина не водятся таких нечистых на руку друзей.

Мо Юньчу нахмурил черные брови, изобразив некоторую досаду.

— Надо же, как не вовремя сломался душ. Что ж, придется завтра вызвать мастера починить.

Говоря «починить», он смотрел совершенно безо всякого тепла. В холодном электрическом свете его прекрасное лицо напоминало лик отстраненного, не ведающего жалости божества.

Затем Мо Юньчу опустился на одно колено, вынул из кармана платок и с показной почтительностью, бережно обхватив ступню Тань Нина, принялся старательно стирать красные следы.

<http://bllate.org/book/14673/1303907>